

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

УДК: 330.13

JEL: A130

Татьяна Артёмова

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ: ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДОКТРИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹

Прояснение законов гармоничного обустройства системы общественного хозяйства в значительной мере осуществлялись в недрах европейской цивилизации, в ходе эволюции фундаментального научного знания. Так, синергия интеллектуальных усилий представителей классической немецкой философии, английской политической экономии, французских социальных учений стала катализатором и одновременно плодородной культурной почвой для становления общественных институтов нового времени. Трансцендентное осмысление цивилизационных ценностей как системы общественных отношений призвана осуществить политическая экономия – наука о законах ведения хозяйства. Такая миссия экономической науки обозначилась в ходе становления её классического исследовательского русла как логики Срединного пути. Однако современная экономическая теория по содержанию остаётся традиционной. Она не осмысливает свой объект в единой пространственно-временной системе координат; не опознаёт экономическую ценность (экономическое благо) как собственный предмет и основание общественных отношений. В этой связи важнейшие понятия цивилизационного наследия претерпевают существенное искажение. Важнейшими общечеловеческими ценностями, обнаруженными европейским сообществом в новое время, являются свобода, равенство, братство, которые считаются политическими по своему происхождению. Между тем кристаллизация ценностей свободы, равенства, братства в их синкретичном единстве исходно осуществляется в недрах политической экономии. В новое время каждая из них была взята за основу одной из традиционных методологических ветвей экономической науки. Так, проблема свободы является ключевой для либерально-маргинальной экономической доктрины, которая сегодня идеологически питает образовательные курсы экономикс. С целью модернизации учебных курсов специалисты предлагают восстановить их связь с положениями аутентичной доктрины либерального маржинализма, с концептуальной системой Л. фон Мизеса. Такое переосмысление делает логику функционирования современной рыночной экономики и основные принципы неolibеральной политики более прозрачными и одновременно проявляет несовершенство либеральной доктрины в сравнении с исходными научными положениями классической экономической мысли.

Ключевые слова: гармоничное обустройство хозяйственной системы, методология политической экономии, либеральная идеология, свобода экономического выбора, европейские цивилизационные ценности.

Пошлите мне отверженных, бездомных,
Я им свечу у двери золотой!

Э. Лазарус

Проблема надлежащего обустройства социально-экономического пространства, восстановления принципов равновесного функцио-

Артёмова Татьяна Ивановна (blagosostojanie1986@gmail.com), д-р экон. наук, доц., старш. науч. Сотруд.; главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". ORCID iD: 0000-0001-8511-9681

¹ Статья третья. Статьи первая и вторая в журнале "Экономическая теория". 2017. № 4; 2018. № 3.

© Т. Артёмова, 2019

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2019. № 4: 5–28

нирования и устойчивого развития хозяйственных систем различного уровня, от национального до глобального, сохраняет свою актуальность. Подрыв оснований сложившегося общественного миропорядка вследствие стремительного распада системы традиционного социализма и, в значительной мере стихийного, процесса становления информационно-сетевой экономики на фоне противоречивых тенденций финансовализации, интеграции и регионализации хозяйственных отношений обусловил формирование небывалых вызовов для человечества. В течение XX века первая волна глобальных угроз разрешилась масштабными социальными потрясениями и бедствиями. Гражданские и мировые войны, социальные революции, конкурентное противоборство двух мировых социально-экономических систем засвидетельствовали неспособность человечества достойно ответить на вызовы назревшей глобальной, ноосферной, по В. Вернадскому, трансформации общественного бытия.

Новейшая волна вызовов и угроз, которая особенно актуализировалась после глобального финансово-экономического кризиса², в свёрнутом виде содержит все предыдущие вызовы и настоятельно требует адекватного общественного ответа. Однако человечество, пребывая в состоянии отчасти мировоззренческой растерянности, отчасти эмоциональной расслабленности, предпочитает не замечать тревожные тенденции нарастания социально-экономической процессуальности и неопределённости хозяйственных перспектив. Феномены социально-экономической дифференциации, общественных девиаций, усиливающаяся конфликтность мира, гибридная война и сопутствующие массовые социальные миграции, акты гражданского неповиновения, агрессии и варварства воспринимаются социумом разрозненно, не осмысливаются как многообразная совокупность явлений, имеющих некие общие причины и знаменующих тенденцию становления нового качества общественного бытия (Артёмова, 2017. С. 5–9). Обычный ("средний") человек, обременённый повседневными проблемами, действительно не склонен и не способен к абстрактным размышлениям о глобальных вызовах и угрозах, хотя вполне осознаёт и непосредственно ощущает силу их влияния на обыденную жизнь. Основательно осмыслить такие вызовы для системы общественного хозяйствования в контексте прояснения (и восстановления) механизмов её равновесного функционирования и устойчивого развития призвана интеллектуальная элита – научное сообщество во главе с представителями социологии, обществоведения в широком смысле.

Выявление законов и кристаллизация принципов гармоничного обустройства системы общественного хозяйства в значительной мере осуществлялись в недрах европейской цивилизации, в ходе эволюции фундаментального научного знания. Так, *синергия интеллектуальных усилий представителей классической немецкой философии, английской политической экономии, французских социальных учений стала катализатором и одновременно плодородной культурной почвой для*

² Распад системы традиционного социализма, последовавший вслед за крушением советской хозяйственной системы, развитыми странами был воспринят, скорее, не как знамение общего кризиса существующего мирового порядка, но как долгожданная победа в холодной войне, ставшей, по сути, продолжением череды мировых войн минувшего столетия. Но глобальный финансово-экономический кризис поставил под сомнение претензии системы традиционной рыночной экономики на мировое идейное лидерство и экономическое превосходство (Артёмова, 2011. С. 33).

становления общественных институтов нового времени – предмета гордости европейских народов и образцов для заимствования во всём мире. По сути, указанное фундаментальное научное знание в совокупности и образует драгоценные россыпи европейского цивилизационного наследия. Однако *владение подлинным духовным богатством требует непрерывного творческого труда* по его возделыванию и переосмыслению в соответствии с вызовами времени.

Волею судеб в ходе глобального освоения европейское фундаментальное научное наследие (как источник и основание цивилизационных ценностей) было присвоено двумя, европейскими по своему происхождению, политико-экономическими школами – марксизма и либерального маржинализма. В течение XX века научные системы, сформированные в пределах указанных школ, интеллектуально укоренились в социуме и при могущественном государственном содействии получили возможность проявить свою преобразующую потенцию в ходе реализации масштабных проектов общественного обустройства. Идейная борьба политико-экономических доктрин обусловила общую конфигурацию мирового порядка и принципы конкурентного противостояния хозяйственных систем, в которое, согласно убеждениям и помимо воли, было вовлечено большинство населения Планеты.

После распада советской системы общественного хозяйства (модели традиционного социализма, которая идейно опиралась на теоретическую платформу марксизма) либерально-маргинальная доктрина получила возможность неконкурентного распространения. На фоне её "заслуженного" идейного превосходства доминирование в мировой общественной жизни экономической политики неолиберализма, научной методологии мейнстрима, образовательных курсов экономикс выглядит вполне правомерным. Однако в своей системной методологической односторонности она является такой же неравновесной, как и ортодоксальный марксизм. В условиях нарастания социально-экономической процессуальности, разогреваемой новейшими цифровыми технологиями, она не может служить человечеству надёжным теоретическим ориентиром для достойного обустройства общественной жизни.

Прояснить содержание либерально-маргинальной доктрины как теоретической платформы, идейно конституирующей устои рыночной экономики в качестве наиболее приемлемой формы организации хозяйственного пространства и обуславливающей принципы политики неолиберализма, сквозь призму ценностной методологии экономической науки как логики Среднего пути составляет **цель настоящей статьи**.

Погружённость социума в политическое действие, политологическая интерпретация ценностных смыслов общественной жизни являются атрибутами современного пространства цивилизационных взаимодействий. Между тем историческое предназначение человека, его творческая жизненная миссия индифферентны для политического дискурса, в пределах которого людское сообщество интерпретируется предельно функционально – в качестве электората. Как искусство умелого манипулирования общественным мнением, политика трансформирует основополагающие принципы коллективного человеческого бытия в инструменты защиты и реализации вполне определённых властных интересов³. Ис-

³ "Политика непременно всегда и повсюду имеет единственную главную цель: создание сильной власти, способной подавить человеческую справедливость и свободу", – пишет в этой связи М. Бакунин (*Бакунин*, 1990. С. 65).

тинный смысл человеческих прав, свобод, ответственности, справедливости как элементов системы ценностных общественных отношений размывается, ускользает от человека; они становятся средством возбуждения страстей и вражды⁴. Это отвлекает социум от поиска достойных ответов на глобальные вызовы бытия, которые ныне проникают во все сферы общественной жизни и в условиях становления информационно-сетевой, цифровой экономики предельно обнажают проблему идентификации и самого существования человека на Планете. Хорошо отредактированное политическое шоу маскирует отношения общественного отчуждения, эмоционально увлекает человека в матрицу бытия "длящегося модерна", принуждает его (как сказал бы Л. Гумилёв) к бесплодному расстрачиванию пассионарной жизненной энергии.

Трансцендентное осмысление цивилизационных ценностей как системы общественных отношений призвана осуществить политическая экономия – наука о законах ведения хозяйства. Такая миссия экономической науки обозначилась в ходе становления её классического исследовательского русла как логики Срединного пути (Артёмова, 2006. С. 363–368). Как отмечает А. Маршалл, экономическая наука представляет собой, с одной стороны, исследование богатства, с другой – образует часть общего исследования человека: изучает экономические и политические условия его, прежде всего, общественной и личной жизни (Маршалл, 1993. Т. 1. С. 100–112). При этом содержание богатства как основного объекта личного и общественного интереса проясняется экономической наукой с позиций "человеческого блага", сквозь призму отношений стоимости – экономической ценности.

В традициях классического подхода понятие экономической ценности осмысливается как тройственное единство предельной полезности, стоимости и цены. Такая интерпретация экономических отношений знаменует становление новой, позитивно релятивистской, методологии – логики Срединного пути как русла, пролегающего между двумя крайними (предельными) теоретическими подходами, каждый из которых символизирует отчуждение – между конструкцией мира, управляемого законами, исключающими возможность новации и созидания, и концепцией акаузального, абсурдного – "беззаконного" – бытия.

Экономическая ценность в качестве непосредственного предмета исследования является главным аргументом исторической миссии политической экономии, связанной с обоснованием институциональной природы общественного выбора, который обеспечивает и реальное социально-экономическое развитие хозяйственной системы (в форме гармоничной институциональной архитектоники), и его научное осмысление (в русле логики Срединного пути) в подлинно равновесной системе координат (Артёмова, 2006. С. 292; 363–366). Такая миссия экономической науки не лежит на поверхности, её постижение требует

⁴ Характерным примером политизации общечеловеческих ценностей является "война правами человека". Так, при подготовке текста Всеобщей Декларации прав человека (1946–1948 гг.) у представителей конкурирующих политико-экономических школ выявились различия в подходах к формулировке основных её положений. В практике международных политических отношений такие разногласия послужили прелюдией холодной войны. Со временем ведущие западные державы всё более превращали права человека в одно из основных орудий идейной борьбы с Советским Союзом, а последний часто рассматривал дебаты о правах человека в ООН в качестве политических нападков и провокаций (Глен Джонсон. Разработка Всеобщей декларации прав человека (1946–1948 гг.)). Несмотря на распад традиционной системы социализма, "война правами человека" продолжается; ныне она органично вплелась в общую канву гибридной войны (Артёмова, 2017. С. 18).

значительных творческих усилий. Предостерегая экономическую науку от соблазна политологической интерпретации явлений хозяйственной жизни, А. Маршалл выражал надежду, что у последующего поколения теоретиков окажется больше свободного времени для фундаментального познания экономических законов (1993. Т. 1. С. 100). Однако такие благие пожелания и донныне не утратили своей актуальности.

Современная экономическая теория, несмотря на накопленный научный потенциал и исследовательские амбиции, по содержанию остаётся традиционной. Она не осмысливает свой объект (бытие общественного хозяйства) в единой пространственно-временной системе координат; не опознаёт экономическую ценность (экономическое благо) как собственный предмет и основание общественных отношений (Артёмова, 2017. С. 13–14). В этой связи такие *важнейшие понятия цивилизационного наследия*, как закон, права человека, свобода, равенство, гражданское общество и многие другие, *претерпевают двойное искажение: с одной стороны, в пределах их привычного экономического толкования, с другой – в качестве орудий политического манипулирования.*

Важнейшими общечеловеческими ценностями, обнародованными европейским сообществом в новое время (начиная с эпохи Просвещения), являются Свобода, Равенство, Братство (в современной интерпретации – социальная солидарность). Такие ценности получили определённую формулировку в ходе Великой Французской революции и традиционно считаются политическими по своему происхождению. Таковыми они остаются в общественном восприятии до сих пор. Так, статья 1 Всеобщей декларации прав человека гласит: "Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства"⁵. В соответствии с указанным гражданским кодексом, основополагающими правами человека в обществе являются:

свобода мысли, совести, религии, прессы, подкреплённая гарантиями неотъемлемости таких прав;

равенство перед законом и право на защиту, безотносительно к идейным или иным убеждениям, национальным, социальным и прочим различиям;

солидарное гарантирование социальной безопасности, справедливого вознаграждения за труд, достойного уровня жизни как предпосылка реализации общей совокупности политических, гражданских и иных прав.

Как заявлено в преамбуле документа, Всеобщая декларация прав человека является "задачей, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства". С этим заявлением круг, который начался с гуманистического мышления и стал первым шагом на пути к ориентированной на Человека международной системе ценностей, замыкается, пишет один из интернет-блогеров. В рамках этой новой системы ценностей человеческое существо не позволяет государственным или религиозным институтам ограничивать его действия. Таким образом, Европейские ценности – это универсальные гуманистические ценности, цель которых – свободные, хорошо осведомлённые и независимые люди⁶.

⁵ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1359660401.pdf>

⁶ Что такое "Европейские ценности"? (2013). URL: <https://mazdaservice.org/flooders/chto-takoe-evropeiskie-cennosti/>

Но политические лозунги навсегда останутся лишь энергичными эмоциональными призывами, если они не прорастут в толщу экономической жизни: не обретут силы экономической ценности, экономического института. В целом, как признавали авторы, стоявшие у истоков создания текста Всеобщей декларации прав человека, в последней реализовался приоритет морального аспекта над юридическим обязательством. Ибо "Резолюция Генеральной Ассамблеи сама по себе, строго говоря, не может создавать обязательства, имеющие силу закона, хотя Декларация обладает значительным юридическим потенциалом"⁷.

Между тем кристаллизация понятий свободы, равенства, братства как непреходящих ценностей общественной хозяйственной жизни осуществляется в недрах политической экономии как логики Среднего пути подлинным средоточием и эталоном общественного богатства является экономическое благо как институт (превращенная экономическая форма) – экономическая ценность, единая в тройственной определенности предельной полезности, стоимости и цены (Артёмова, 2006. С. 168–203). Именно в этом смысле – как институты экономического блага, отображающие взаимное перетекание общественных связей и отношений, – феномены свободы, равенства, братства обретают качество цивилизационных человеческих ценностей. Проявленные экономической наукой, но в полной мере (адекватно) не осмысленные ею, в своей социально-политической интерпретации такие ценности были заложены в основание европейских институтов. Но сегодня проблема дисфункциональности институциональных систем отчетливо обнаруживает себя на фоне массового "пробуксовывания" социально-экономических и административно-управленческих реформ различного уровня, Всё это настоятельно требует фундаментального осмысления общественного института как экономической ценности (экономического блага).

Исходно ценности свободы, равенства, братства мыслились политической экономией нераздельно, в синкретичном единстве; однако в новое время каждая из них была взята за основу одной из традиционных методологических ветвей: марксизмом, либеральным маржинализмом, институциональной экономикой. Так, *проблема свободы является ключевой для либерально-маржинальной экономической доктрины*⁸. В господствующих ныне в образовательном пространстве учебных курсах экономикс проблема экономической свободы отчетливо и последовательно не актуализирована. Но она неизменно присутствует здесь в качестве идейных скреп общей концептуальной конструкции – модели функционирования экономики рыночного типа. Ибо методология либерального маржинализма (встроенная ныне в теорию неоклассического синтеза) питает курсы экономикс.

Как же трактуется свобода современной экономической теорией? Прежде всего как свобода экономического выбора, которую обусловли-

⁷ Джонсон Г. Разработка Всеобщей декларации прав человека (1946–1948 гг.). 55 лет Декларации прав человека. URL: <http://rl-online.ru/articles/4-03/224.html>

⁸ Основоположник современной теории либерального маржинализма Л. фон Мизес в качестве эпиграфа к одному из своих трактатов избрал древний шумерский иероглиф, представляющий самое раннее из известных (около 2300 г. до н. э.) письменное воплощение понятия свободы. С позиций свободы автор анализирует содержание и принципы рыночной экономики как наиболее приемлемого строя общественной жизни, а также осуществляет системную критику "всех мыслимых форм" социалистического общества, которые, по его мнению, по природе являются несвободными (Мизес, 1994. С. 21).

вают частная собственность на средства производства и капиталистическая система отношений как фундаментальные основания рыночной экономики. Капиталистический строй зиждется на таких институтах и принципах, как: частная собственность, свобода экономического выбора, предприимчивость и предпринимательство, личный интерес, конкуренция, система рыночных цен, ограниченная роль правительства, – пишут, в частности, К. Макконнелл и С. Брю. Здесь частная собственность, наряду со свободой заключать обязывающие партнёров юридические контракты, предоставляет частным лицам и предприятиям свободу приобретать, контролировать, применять и реализовывать материальные ресурсы. При этом капиталистическая система возлагает на экономических субъектов и всю полноту ответственности за их выбор, ибо экономическая эффективность его результатов диагностируется механизмами свободных рынков (Макконнелл, Брю, 1992. Т. 1. С. 51–59). В рыночной экономике права собственности определяют способность людей или фирм свободно владеть, покупать, продавать и использовать капитальные блага и другие объекты собственности, – пишут П. Самуэльсон и В. Нордхаус (2000. С. 73).

Однако недовольство учебниками экономикс и адаптированными к ним национальными курсами экономической теории, которые инертны к глобальным экономическим вызовам и не отражают актуальных реалий хозяйственной жизни, достаточно велико в интеллектуальных, прежде всего академических, кругах. Так, по мнению специалистов, актуальный анализ выгод и издержек экономической политики с необходимостью требует разработки новой системы понятий и концептуального обновления экономических исследовательских программ (Асемоглу, Робинсон, 2013. С. 24–25). Важнейшей исследовательской программой современности, пишет А. Гриценко, должна стать теория переходной экономики. Именно она, пребывая в текущем, переходном состоянии, как и её меняющийся объект, способна адекватно отображать закономерности развития и трансформации сложных хозяйственных систем различного уровня. Создание такой теории требует поиска новых методологических подходов и нового инструментария (Гриценко, 1997. С. 4–5). Большая часть вводных курсов экономикс грешат существенными недостатками, замечает Х. Уэрта де Сото. Так, практически все учебники стремятся угнаться за модой, игнорируя тот факт, что экономическая наука основана на принципах, восходящих к сущности человеческой природы, а они весьма устойчивы, даже незыблемы. Значительную опасность представляет также популяризация узко сциентистской и позитивистской интерпретации самой экономической теории. Воспроизводимый учебными курсами образ экономической теории, по мнению автора, апеллирует к устаревшим представлениям об энергии, характерным для физики XIX века. В целом ключевой идеей традиционных учебников экономикс является сочетание "социальной инженерии" с набором практических советов о способах и механизмах вмешательства в экономику. Такой подход создаёт ложное впечатление, будто каждая экономическая проблема имеет единственное верное решение, и его можно найти, если правильно "поставить диагноз" и автоматически следовать алгоритму соответствующих рекомендаций (Сото У. де, 2010. С. 62–64).

В отличие от других критиков, У. де Сото не просто констатирует проблему несовершенства курсов экономикс, но предлагает способ её конструктивного решения. При этом новую теорию не надо специально изобретать. Преодолеть порочные практики экономического образования на основе "обзоров модных трендов и последних ново-

стей" предполагается посредством методологического очищения и восстановления незаслуженно забытых традиций классического анализа. Актуальную преемственность с такими традициями, по мнению автора, демонстрирует аутентичная теория либерализма, а именно, её каноническая концептуальная система Л. фон Мизеса, которая символизирует возвышающуюся над временем и модой фундаментальность, то есть классичность (Сото У. де, 2010. С. 66, 73, 75).

В пользу справедливости таких притязаний, по мнению автора, свидетельствует монументальный характер трактата Л. Мизеса "Человеческая деятельность", который многократно издавался, переведён на многие языки мира, имеет высокие рейтинги цитирования. Этот своего рода теоретический бестселлер прошёл также успешную апробацию: долгие годы он служил в качестве учебника политической экономии для студентов одного из ведущих университетов Испании. Если признание заслуг либеральной маргинальной теории станет повсеместным, экономическая наука обретёт надлежащую фундаментальность, а вместе с тем и возможности для реализации своей главной задачи – обоснования предпосылок устойчивого (без кризисов и конфликтов) развития цивилизации, замечает У. де Сото (2010. С. 74, 82).

В контексте сказанного складывается впечатление, что проблема успешной модернизации традиционной экономической теории, в ходе которой одновременно восстанавливается и её связь с подлинными истоками европейского культурного наследия, как никогда близка к разрешению. Однако такое впечатление обманчиво, ибо предполагаемое "переосмысление" постулатов неоклассической политико-экономической доктрины по сути ничего не меняет в её содержании и нынешних общественных позициях. Оно лишь "наводит методологический фокус", вследствие чего основные принципы и логика курсов экономикс становятся более прозрачными, отчётливыми, но от этого не менее однобокими и несовершенными в сравнении с исходными научными положениями классической экономической мысли. Для наглядности проясним содержание теоретической модели общественного обустройства Л. Мизеса сквозь призму методологии экономической науки как логики Срединного пути.

По мнению Л. Мизеса, в новейшее время человечеству необходимо сделать выбор между двумя системами общественного хозяйства – капитализмом и социализмом. В системе координат либерального маржинализма такой общественный выбор предстаёт как грандиозная историческая схватка – великая идейная (и не только!) борьба, пронизывающая все социальные устои и нормы поведения. Никто не может остаться безучастным, укрыться от решительного сражения, которое навязала нам наша эпоха, говорит автор, ибо усилия каждого сказываются на общем выборе (Мизес, 1994. С. 327–328). На первый взгляд, общественный выбор в пользу одной из двух указанных систем является свободным. Но учёный недвусмысленно предостерегает, что в случае торжества социалистических идей общество как целое устремится к закату, и никто в нём "не найдёт спасения для себя лично, потому каждый в собственных интересах должен отважно бросить все свои силы в битву душ"⁹ (Мизес, 1994. С. 328).

⁹ Необходимость реализации "правильного" общественного выбора побуждает Л. Мизеса к активному диалогу с К. Марксом как наиболее маститым теоретиком социализма. История человечества – это история идей; именно идеи, теории и доктрины направляют действия людей, определяют конечные цели человеческой деятельности и выбор средств для достижения этих целей, за-

Но в чём состоит смысл глобальной баталии народов и мотивы личного участия в ней для обычного человека, каков конечный экономический итог (экономическое благо) общественного выбора в системе координат либерального маржинализма? Таким "благом" является форма собственности. Рассмотрение различных мыслимых способов организации общества на основе разделения труда неизбежно приводит к одному и тому же результату: выбор существует только между общественной и частной собственностью на средства производства. Все промежуточные формы социальной организации тщетны и на практике оказываются разрушительными, поясняет Л. Мизес (2001. С. 85). При таком подходе факт гражданского порицания общественной собственности, признания за ней "греха" экономической недееспособности одновременно закрепляет за капитализмом статус единственно осуществимой системы социальной организации.

Следует заметить, что аналогичный гражданский акт – общественный выбор на основе уличения института частной собственности в "грехе" социальной несостоятельности – неизбежен и в Марксовой системе координат. Выбор в пользу общественной собственности на средства производства здесь призван сделать от имени человечества пролетариат как наиболее прогрессивный класс буржуазного общества. В связи с этим Л. Мизес вполне справедливо указывает на неспособность марксистской методологии выйти за пределы классового сознания и мышления и предложить модель общественного обустройства, приемлемого для всего человечества. В теоретической конструкции Маркса, пишет автор, отвергается сама возможность существования всеобщего научного знания, имеющего силу для всех людей, независимо от их классового происхождения. Истинной объявляется лишь пролетарская наука, обретающая качество "логики вообще". Так марксизм оградил себя от всякой нежелательной критики: не нужно опровергать врага, достаточно разоблачить его как агента буржуазии (Мизес, 1994. С. 25).

По мнению Л. Мизеса, его логическая конструкция, в отличие от Марксовой, имеет общечеловеческий характер. Победа социалистических идей над либеральными стала результатом того, что место целостного подхода, учитывающего общественные функции отдельных институтов и общее действие всего социального механизма, заступил абстрактный подход, при котором отдельные части общественного организма рассматриваются изолированно. Социализм видит отдельные группы людей – голодных, безработных, богатых – и обрушивается на мир с критикой; либерализм видит общественный процесс в его целостности и соподчинённости взаимосвязанных явлений, пишет Л. Мизес (1994. С. 324). Широко распространённое мнение, согласно которому либерализм ставит интересы части общества – капиталистов и предпринимателей – выше интересов других классов, ошибочно. Либерализм всегда имел в виду благо всех, а не какой-либо особой социальной группы – "наибольшее счастье наивозможно большего числа членов общества" (Мизес, 1994. С. 319; 2001. С. 13, 17–18, 175). Это счастье (в форме процветания и изобилия) в системе координат либерального маржинализма достигается благодаря свободе экономическо-

мечает Л. Мизес. В этом смысле торжество одной из двух форм политико-экономического обустройства хозяйственной жизни в значительной мере обусловливается виртуозностью владения арсеналом идейной пропаганды их апологетов (Мизес, 1994. С. 27; 323–324).

го выбора, которую обуславливают частная собственность и правильно организованная система общественного разделения труда.

В такой интерпретации понятие свободы далеко от его трансцендентного содержания, и сторонники либерального маржинализма специально подчёркивают этот факт. Либеральная философия объясняет общество через действия человека, не прибегая к метафизическим приёмам, пишет Л. Мизес (1993. С. 171; 1994. С. 327; 2000. С. 13, 24; 146–148). Либерализм не является ни религией, ни мировоззрением, ни партией особых интересов; это – идеология, учение об общественных взаимосвязях и одновременно приложение этого учения к поведению человека в реальном обществе. Либерализм стремится дать людям лишь одно: мирный спокойный рост материального благополучия для всех, чтобы защитить их от внешних причин боли и страданий, насколько это находится во власти общественных институтов. *Уменьшение страданий и увеличение счастья – вот цель либерализма* (Мизес, 2001. С. 183).

Однако на поверку оказывается, что *либерально-маргинальная теория, по сути, зиждется именно на вере (в превосходство частной собственности и во всемогущество рынка как продукта человеческих рук¹⁰);* при попытке же рационально и недвусмысленно объяснить свои исходные принципы она неизбежно впадает в досадные логические противоречия¹¹.

Так, предпосылкой утверждения капиталистических общественных отношений в мировом масштабе является идейное обращение народных масс в "либеральную веру". Утверждение, что социализм должен наступить, поскольку к этому неизбежно ведёт развитие общества, безосновательно, пишет в этой связи Л. Мизес. Массы не верят в капитализм. Люди хотят социализма, так как верят, что именно он принесёт им процветание и более высокий уровень жизни. Утрата этой веры будет означать конец социализма (Мизес, 1992. С. 323–325). Парадоксом при этом является то, что, несмотря на посулы со стороны либеральной доктрины обеспечить для всех уверовавших "мирный спокойный рост материального благополучия", приумножить человеческое счастье, рыночная система в конечном итоге оказывается преисполненной страданий и психических расстройств. Хотя всё это не может служить убедительным аргументом против либеральной идеологии, ибо, если бы в обществе преобладала иная политика, здесь было бы ещё больше нужды и страданий (Мизес, 2001. С. 15). Этот тезис, похоже, также должен

¹⁰ Общество создано не Богом и не мистическими "силами природы", а человечеством, пишет Л. Мизес. Сохранит ли оно способность к развитию или обречено на упадок, зависит от человека, от его свободной воли. И тот, кто предпочитает жизнь смерти, счастье страданию, благосостояние нищете, должен поддерживать существование общества. *А тот, кто желает, чтобы общество существовало и развивалось, должен также принимать без каких бы то ни было ограничений и оговорок частную собственность на средства производства.* Ибо общественная производительность является результатом капиталистического менталитета и капиталистического подхода к человеку и к удовлетворению его потребностей (Мизес, 1994. С. 328; 2001. С. 27).

¹¹ Такое положение вещей неслучайно; в своей методологической изоляции маржинализм (аналогично другим традиционным течениям экономической мысли) исходно исполнен противоречий; присущи они и новейшим его концепциям. Преодоление методологической "дисгармонии" возможно на путях включённости маржинализма в общее (троичное) русло логики Срединного пути, обозначенное классической политической экономией (Артёмова, 2006. С. 94; 124).

быть принят на веру каждым человеком и человечеством. Более того, капиталистическое общество не гарантирует и саму мирную жизнь, ибо здесь тот, "кто хочет остаться свободным, должен биться насмерть с теми, кто стремится лишить его свободы" (Мизес, 2000. С. 267). Формально оно её не гарантирует врагам капитализма и частной собственности; но на деле оказывается, что "врагов" таких слишком много. В конце концов, никакого мира, спокойствия и счастья не обретает никто из ключевых субъектов рынка.

По сути, у либерального маржинализма нет достаточно внятного определения самой свободы, за которую он призывает массы "положить свою душу". Концепция свободы, пишет Л. Мизес, имеет значение лишь в приложении к межчеловеческим отношениям, термин *свобода* обретает смысл только в рамках общественной системы (Мизес, 2000. С. 264). Люди же являются свободными в той степени, в какой имеют возможность выбирать (Мизес, 2001. С. 221), в какой им позволено самим выбирать цели и средства достижения этих целей (Мизес, 2000. С. 264). Укоренение в обществе идеи свободы Л. Мизес считает непосредственной заслугой либерализма¹². Однако такая "укоренённость" одновременно предполагает, что *свободы глобального выбора у общества и каждого человека не существует – люди не могут свободно выбирать форму хозяйствования для своей жизни: ибо капитализм является "единственно возможной системой общественной организации"* (Мизес, 2001. С. 85–89). Конечно, если сравнивать его с единственно альтернативной системой социализма!

"Не существует иной личной и политической свободы, чем та, которую несёт с собой рынок, пишет Л. Мизес. В тоталитарном гегемонистском обществе у индивида остаётся только одна свобода, поскольку её нельзя у него отобрать, – это свобода покончить жизнь самоубийством" (Мизес, 2000. С. 268). В *капиталистическом же обществе свобода* реализуется как возможность для любого индивидуума самому моделировать образ жизни, ибо здесь никто не принуждает его жить согласно единственно допустимому плану, навязываемому властями с помощью полиции (Мизес, 1993. С. 170–171; 2000. С. 270–271). Свобода при капитализме означает, что ты зависишь от чьей бы то ни было оценки не больше, чем другие зависят от твоей (Мизес, 1993. С. 221–222; 1994. С. 128; 2001. С. 210). Смысл таких положений не совсем понятен. В контексте сказанного создаётся впечатление, что речь идёт о свободе, характерной для рынка совершенной конкуренции, где все субъекты являются "атомарными", равновеликими по силе рыночного противостояния. Но либеральный рынок одновременно позиционируется как капиталистическая система, в которой, согласно положениям классической политической экономии, права собственности на капитальные блага существенно модифицируют всю систему ценностных отношений и, соответственно, пространство рыночных взаимодействий (Артёмова, 2006. С. 180–187).

Но и в системе координат "*абсолютно либерального*" экономического порядка заявленная свобода экономического выбора оказывается такой же *иллюзорной*, как и в обществе "тоталитарного" социализма. Ибо каждому конкретному рыночному субъекту в его намере-

¹² Само название "либерализм" произошло от слова "свобода", пишет Л. Мизес, название же партии, оппозиционной либералам (оба обозначения возникли в испанских конституционных битвах начала XIX в.), первоначально было "рабская" (Мизес, 2001. С. 25).

ниях и действиях противостоят не только и не просто "другие" рыночные субъекты, но вся природа и некая глобальная (тотальная) рыночная сила, формируемая механизмами общественного разделения труда в соответствии с законами природной неизбежности! Безусловно, способность человека вершить собственную судьбу не может преодолеть законов природы и праксиологии, замечает в этой связи Л. Мизес. Следовательно, свободу можно определить "как такое положение дел, при котором право свободного выбора индивидов не ограничивается государственным принуждением сильнее, чем в любом случае оно ограничивается праксиологическими законами". Индивид в рыночной экономике "свободен в том смысле, что законы и государство не заставляют его отказываться от автономии и самоопределения в большей степени, чем это делают неизбежные праксиологические законы" (Мизес, 2000. С. 266).

Получается, что *хозяйствующий субъект в условиях рынка свободен прежде всего от государственного вмешательства в свои экономические планы, обусловленного наличием общественной собственности*. Проще говоря, свобода экономического субъекта в либерально-маржинальной интерпретации суть его свобода от общественной собственности. Таким образом, *у понятия свободы здесь нет положительного определения*. В этой связи для основных акторов капиталистической рыночной системы ключевой принцип свободы экономического выбора реализуется весьма специфически.

В отличие от теоретической системы К. Маркса, в которой главными действующими лицами выступают капиталисты (буржуа) и наёмные рабочие (пролетариат), *логическая конструкция Л. Мизеса отображает взаимодействие четырёх типов экономических субъектов: капитанов бизнеса (капиталистов, предпринимателей, фермеров), наёмных работников, потребителей ("истинных капитанов рынка"), а также представителей некоего сборного сословия творческих деятелей*. Все они, опираясь на институт частной собственности, наделены свободой экономического выбора.

Так, **собственники капитала** в качестве рулевых "стоят у штурвала" и ведут корабль рыночной экономики. Но они не вольны определять курс самого корабля и с необходимостью должны подчиняться приказам потребителя как истинного капитана рынка. "Если производитель не сможет приспособить своё производство к пожеланиям потребителей, ему очень скоро придётся расстаться со своим привилегированным положением у штурвала. Его заменят другие люди, которым лучше удаётся удовлетворять запросы потребителей", – замечает Л. Мизес (1993. С. 23; 2000. С. 255). Итак, *свобода предпринимательства в условиях рынка ограничена потребительскими предпочтениями*. Может быть, как постулируют учебные курсы экономикс, рынок уважает право частной собственности как предпосылку свободного экономического выбора? Оказывается, однако, что это не так: *само по себе право собственности здесь не имеет значения*.

Частная собственность на средства производства представляет собой фундаментальный институт рыночной экономики; собственность означает полный контроль над услугами, которые можно извлечь из некоего блага, пишет Л. Мизес. Но не следует путать это каталлактическое понятие собственности и прав собственности с юридической его трактовкой (Мизес, 2000. С. 640). В отношении частной собственности каталлактика (наука о рыночном обмене) изучает процессы управления, а не юридические термины. Частная собственность представляет собой

человеческий механизм; она не божественна, как считали экономисты старой школы. Тот факт, что юридический формализм может проследить генеалогию любого права собственности, не играет никакой роли в обстоятельствах рыночной экономики, замечает автор. События далёкого прошлого, скрытые во тьме истории первобытного общества, не имеют никакого отношения ко дню сегодняшнему, так как *в свободной рыночной экономике потребители каждый день решают заново, кто, чем и в каком количестве должен владеть*. Именно потребители наделяют правом управления средствами производства тех, кто знает, как их использовать в целях наилучшего удовлетворения наиболее настоятельных потребностей (Мизес, 2000. С. 641).

Вообще либеральная интерпретация отношений собственности выглядит весьма запутанной. *С одной стороны*, в рыночной экономике отношения собственности более не связаны с отдалённым происхождением права частной собственности. *С другой стороны*, государственный аппарат должен обеспечивать собственнику полную защиту от любых посягательств на его права, и в таком осмыслении "юридическая концепция прав собственности соответствует её каталлактической интерпретации" (Мизес, 2000. С. 640). Но и это не вся правда о частной собственности и свободе экономического выбора в условиях рынка, так как *здесь права собственности могут перераспределяться не просто под влиянием объективных рыночных сил, но и в соответствии с некими субъективными представлениями об эффективном управлении ресурсами*.

"Собственность является активом только для тех, кто знает, как наилучшим образом поставить её на службу потребителям", – констатирует Л. Мизес (2000. С. 641). Стало быть, с позиций каталластики, юридическое право собственности само по себе не имеет значения. Оно ежедневно подвергается сомнению не только со стороны масс потребителей, но и со стороны тех, кто считает себя более эффективным собственником и лучшим "слугой" потребителя. Рыночно оправданными, таким образом, оказываются акты перераспределения прав собственности во имя потребительского блага¹³. Аналогичным образом в Марксовой системе координат экспроприация частной собственности знаменует благо для пролетариата через преодоление отношений эксплуатации. В марксистской трактовке процесс экспроприации собственности осуществляется один раз – при переходе её из частных рук в руки государства, выражающего интересы "людей труда"; согласно концепции либерального маржинализма экспроприация – суть непрерывный процесс. При этом речь может идти как об индивидуальных владельцах капиталов, так и о целых странах.

Многие богатейшие месторождения полезных ископаемых расположены в районах, жители которых слишком невежественны, слиш-

¹³ Такие акты массово заявили о себе на постсоветском пространстве в ходе рыночных трансформаций в соответствии с программами либерального маржинализма. Инициированное в процессе приватизации перераспределение прав и отношений собственности не прекращается. Процветавший в 1990-е гг. рэкет сменился системой рейдерских акций захвата объектов собственности. Так, по некоторым данным, в 2013-2017 гг. в Украине произошло около 1700 рейдерских захватов; в 2017 г. рейдерству подверглись 700 предприятий; увеличивается число рейдерских захватов в аграрном секторе экономики. См.: В Украине в 2017 году рейдерству подверглись 700 предприятий. URL: https://antikor.com.ua/articles/198943-v_ukraine_v_2017_godu_rejderstvu_podverglisj_700_predpriyatij.

ком инертны или слишком бестолковы, чтобы извлечь пользу из свалившихся на их головы богатств, пишет в этой связи Л. Мизес. Если правительство этих стран не допускает иностранцев к эксплуатации этих месторождений или если произвол во внутренней политике делает любые иностранные инвестиции небезопасными, то другим народам причиняется серьёзный ущерб. Ибо их материальное благополучие могло быть улучшено более адекватным использованием данных месторождений. И не имеет значения, чем обуславливается политика нерадивых государств – их общей культурной отсталостью или восприятием модных идей экономического национализма. В обоих случаях результат одинаков (Мизес, 2000. С. 644). Мнение же о том, что какая-либо страна будет долго терпеть политику другой страны, причиняющую вред её гражданам, – это иллюзия, пишет далее автор. Предположим, что ООН была учреждена в 1600 г. и что индейские племена Северной Америки были приняты в её члены. Тогда суверенитет индейцев считался бы неприкосновенным. Они получили бы право изгонять всех чужаков, проникающих на их территории, и не допускать их к эксплуатации своих богатых природных ресурсов, которые они сами не знали, как использовать. Можно ли всерьёз считать, что какое-либо международное соглашение или устав удержали бы европейцев¹⁴ от вторжения в эти страны¹⁵? (Мизес, 2000. С. 644).

Может быть, речь идёт о непостоянстве владения капиталом для крупных рулевых бизнеса, а малые предприниматели более свободны в распоряжении собственными производительными ресурсами? В целом современная рыночная система, как известно, – это мир малых и средних фирм. Многие области человеческой деятельности не подлежат корпоративной организации; а там, где такая организация возможна, предприниматель, увеличивая усилия, снижая собственное вознаграждение и, в некоторых пределах поступая так же со своими работниками, выживает в конкуренции с крупной фирмой, замечает в этой связи Дж. Гэлбрейт (1979, с. 109). При этом, если крупная корпорация не избалована общественными почестями, то деятельность малого предпринимателя почти повсеместно вызывает одобрение. Частично это объясняется социальной ностальгией: фигура мелкого бизнесмена пробуждает воспоминания о более простом и понятном мире классической конкуренции. Но большая часть похвал обусловлена социальной добродетелью – служением комфорту и удобству общества (Гэлбрейт, 1979. С. 107).

¹⁴ Акцент на европейских поборниках эффективного хозяйствования неслучаен, ибо, согласно либеральной доктрине, не все люди по природе являются свободными. Так, не знало свободы человечество времен первобытного общества. Но и в новое время идею свободной инициативы, которая обернулась дотоле невиданными достижениями эпохи капитализма, взлелеяла европейская (западная) цивилизация, пишет Л. Мизес. Из трудов греческих философов и историков идея свободы перешла к римлянам, а затем – к европейцам и американцам. Она стала основным пунктом всех представлений людей Запада о справедливо устроенном обществе. Европейец привык к свободе и сформирован ею. Народы Востока никогда не разрабатывали идею свободы. (Мизес, 1993. С. 222–223; 2000. С. 642–643; 2001. С. 204–212). Об этом в новейшее время напомнил, в частности, Ф. Фукуяма.

¹⁵ Важно заметить, что сегодня экономическая эффективность хозяйствования сопряжена не только с распоряжением традиционными природными ресурсами, но самим человеческим телом, его отдельными органами, специфическими функциями и услугами. В этой связи капитализация телесного и иных форм богатства также предстает как разновидность свободы экономического выбора.

Действительно, мелкий предприниматель рано встает и работает не покладая рук. Труд его разнообразен, он максимально доступен для своих потребителей, является образцом для подражания. Особых почестей заслуживает фермер, который вместе с домочадцами неустанно трудится на своей земле. Частный предприниматель прославляется также и как человек строгой независимости. В отличие от сотрудника крупной фирмы, его считают исключительно свободным в политических и общественных взглядах и действиях. Никто не отдаёт ему приказаний; никто не присматривает, как он работает; он может смотреть прямо в глаза любому человеку, говорит Дж. Гэлбрейт (1979. С. 107).

Однако остаётся незамеченным, пишет далее автор, что такой труд вовсе не является свободным – он навязывается условиями рыночной системы. Будучи сравнительно беспомощным на своем рынке, малый предприниматель не может с уверенностью переключившись на более высокие издержки на общество посредством цены. Он организует труд своих работников преимущественно личным надзором. И поскольку никакие правила не запрещают этому работодателю снижать своё собственное вознаграждение, он упорно сопротивляется любому регулированию, которое может препятствовать понижать и заработную плату рабочих. Он чувствует за собой естественное право требовать от других того, что он требует от самого себя (Гэлбрейт, 1979. С. 106).

Остаётся без внимания и тот факт, что его общественные и политические взгляды в силу необходимости окажутся, скорее всего, выражением своекорыстия, а его личная независимость – суть лишь форма проявления осторожности, конформизма и угодливости человека, чьё благополучие находится во власти покупателей. Незамеченным остаётся, что чрезмерный труд и постоянная экономия наносят вред здоровью. Так что рыночная свобода малого предпринимателя на поверку часто оказывается свободой человека, "которого до смерти заклевали утки", пишет Дж. Гэлбрейт (1979. С. 108; 173–175). Такова цена удобной социальной добродетели и свободы рыночного предпринимательства.

В целом владение факторами производства, равно как предпринимательскими или технологическими навыками, не дарует в рыночной экономике власть в смысле принуждения, неустанно повторяет Л. Мизес. Всё, что оно дарует, это привилегию служить подлинным хозяевам рынка – потребителям – с большим восторгом, чем другие. Владение капиталом – это мандат, вверенный собственнику при условии, что он будет надлежащим образом использован для удовлетворения потребителей. Тот, кто не справляется с такими нагрузками, лишается своего богатства и "переводится на то место, где его глупые выходки больше не вредят материальному благополучию людей" (Мизес, 2000. С. 609).

В этой связи логично предположить, что именно **потребители**, которые, согласно канонам каталлактики, являются средоточием и вершителями верховной власти в условиях рынка, *обладают здесь полнотой свободного волеизъявления и экономического выбора*. Между тем это не так. Потребитель испытывает огромное давление со стороны рыночной системы; так что он сам и его выбор являются непосредственным её продуктом. Воздействие рынка на частного потребителя, отмечает Дж. Гэлбрейт, осуществляется, по меньшей мере, в двух направлениях и связано с отсутствием либо наличием у него предпочтений в отношении товаров и услуг определённого производителя (1979. С. 179).

В первом случае человеческое сознание подвергается массированному рыночному воздействию сродни интенсивной военной бомбардировке. Потребитель не всеведущ, и ему следует постоянно доставлять информацию о фактическом состоянии рынка посредством коммерческой пропаганды, пишет в этой связи Л. Мизес. Цель такой пропаганды состоит "в преодолении человеческой инерции, пробуждении скрытых желаний, стимулировании стремлений к замене традиционной потребительской рутины разнообразными новшествами". Чтобы добиться успеха, реклама должна соответствовать умственному уровню соблазняемых ею людей – подгоняться под их вкусы, изъясняться их языком. Реклама должна быть назойлива, "криклива" и вульгарна, ибо потребители не реагируют на величавые намеки. Именно дурной вкус публики заставляет рекламодателей демонстрировать дурной вкус в рекламных кампаниях¹⁶ (Мизес, 2000. С. 301).

Подобно всему, что подгоняется под массовые вкусы, реклама вызывает отвращение у людей чувствительных, говорит Л. Мизес, раздаются призывы к тому, чтобы запретить навязчивую рекламу и передать функции формирования потребительских вкусов и предпочтений в ведение непредвзятых экспертов. Но ограничение права производителей рекламировать свою продукцию ограничит право потребителей тратить свой доход в соответствии со своими потребностями и желаниями. К тому же утверждение, что потребитель абсолютно незащищен перед агрессивной рекламой, является заблуждением. Если бы это было так, то коммерческие успехи и неудачи зависели только от искусно организованной рекламы. Кроме того, коммерсанты давно пришли к выводу, что рекламировать следует только хорошие товары, ибо действие рекламы определяется тем, что покупатель способен составить верное мнение о полезности купленного товара, замечает автор (Мизес, 2000. С. 302–303). Одновременно автор признаёт, что под воздействием рекламы потребители склонны переплачивать за марочные изделия, которые по своим качествам часто не отличаются от более дешёвых аналогов¹⁷ (Мизес, 2000. С. 356).

Во втором случае, когда потребительский выбор осуществляется в условиях сложившихся предпочтений, субъекты рынка также испытывают существенные ограничения. В первую очередь, они обуславливаются пределами бюджета. Несомненно, рыночная экономика демонстрирует стандарты достаточно высокого уровня жизни населения. Но такие стандарты сформировались именно в эпоху социального рыночного хозяйства, против которого направлена яростная критика адептов либерального маржинализма. По мнению Л. Мизеса, наибольшей свободы потребитель достигает лишь в условиях "свободного рынка", который не искажает его природных законов. Но современный реальный рынок неоднороден по своей структуре, и его

¹⁶ Непрерывная рекламная атака приземляет человеческие интересы, упрощает вкусы, что, в свою очередь, требует новой порции более вульгарной и изошренной рекламы. Не случайно со временем "искусство рекламы развилось в отрасль прикладной психологии, родную сестру педагогики" (Мизес, 2000. С. 301). Так рыночная экономика готовит для себя армию лояльных предсказуемых потребителей и формирует пространство "свободного потребительского выбора".

¹⁷ Со временем такая практика стала обыденным явлением общественной жизни; так, на постсоветском пространстве она является, скорее, правилом, чем исключением.

субъекты обладают различной степенью рыночной власти. То обстоятельство, что рыночная система воспроизводится в том числе и благодаря способности снижать вознаграждение для своих участников, ведет к очевидному и зловещему выводу о презумпции неравенства между различными её частями, пишет Дж. Гэлбрейт. Удобная социальная добродетель дополняет эту презумпцию, помогая людям убедить себя в том, что они должны соглашаться на более низкие доходы. Презумпция неравенства значительно усиливается, если одна часть экономической системы обладает властью над своими ценами и издержками и способна транслировать их в издержки и цены для другой её части. Всё это свидетельствует о том, что *отношения эксплуатации являются атрибутом рыночной экономики* (Гэлбрейт, 1979. С. 110).

После распада системы традиционного социализма демонтажу подверглась и модель социального рыночного хозяйства; в этой связи принципы либерального маржинализма получили возможность более полной реализации. Одновременно в мировой хозяйственной системе явно обнаружилась тенденция нарастания социально-экономического неравенства, вследствие чего основы среднего класса стремительно размываются¹⁸. Сужение возможностей потребительского выбора в условиях нарастания бюджетных ограничений, снижения качества предлагаемых товаров и услуг на фоне дальнейшего развития маркетинговых технологий обуславливает накопление энтропии в рыночной системе¹⁹.

Что касается **наёмных рабочих**, то их рыночная свобода, в контексте либеральной доктрины, состоит в том, что они *вольны заняться любым видом деятельности при условии, если смогут послужить ресурсом* (наряду с сырьём и средствами производства) *для предпринимателя* в деле реализации его миссии – наилучшего удовлетворения запросов потребителей²⁰. Именно тот факт, что работодатель под давлением рыночной структуры цен рассматривает труд в качестве инструмента "зарабатывания" прибыли, необходимого средства достижения предпринимательского успеха, и делает рабочего свободным, говорит Л. Мизес. В этом смысле рабочий "не зависит от произвола

¹⁸ По мнению специалистов, сегодня общественное неравенство в мировой экономике приближается к уровню начала XX века, когда оно институционально не регулировалось (Миланович, 2007; Пикетти, 2015; Нові нерівності – нові конфлікти: шляхи подолання, 2017; Закон воспроизводства неравенства установлен, 2017; Их не догонят: социальное неравенство в мире достигло максимума. URL: http://www.zagolovki.ru/daytheme/rich_people/23Jan2018.)

¹⁹ Психологический портрет рыночного потребителя исходно сочетает в себе признаки болезненного раздвоения личности. Представленные в учебниках экономики графики общей и предельной полезности наглядно демонстрируют противоречивые психологические переживания рыночного потребителя (Самуэльсон, Нордхаус, 2000. С. 117). Так, по мере накопления благ в распоряжении субъекта его общее потребительское удовлетворение (счастье) возрастает, одновременно нарастает потребительское разочарование (психологическая опустошенность), ибо полезность каждого последующего блага в общем запасе потребитель оценивает всё ниже. В этом смысле нынешняя ситуация социального расслоения лишь усугубляет традиционную хроническую болезнь "рыночного потребительства".

²⁰ Рабочий является не просто поставщиком фактора производства под названием "труд", "он также является человеческим существом, и отделить человека от выполняемых им действий невозможно", замечает в этой связи Л. Мизес (2000. С. 585).

нанимателя", и, вербуя работников, наниматель отнюдь не оказывает им милость (Мизес, 1993. С. 221; 2000. С. 593–594; 2001. С. 210).

Бытующие среди наёмных работников представления о неких социально обусловленных стандартах оплаты труда квалифицируются как закостенелые пережитки прошлого, рабские (и даже животные) обычаи. Ведь в условиях рынка "справедливая" заработная плата устанавливается исключительно в ходе свободной игры конкурентных сил в соответствии с законом предельной производительности труда и его предельным продуктом. Следовательно, уровень оплаты труда в целом и размер прожиточного минимума в частности здесь заранее никем не могут быть определены (Мизес, 2000. С. 564–569). Стоимость труда в соответствии со стоимостью произведённого им товара определяется не потому, что предприниматели и капиталисты черствы и бесчувственны, а потому, что они безоговорочно подчиняются господству потребителей, подавляющее большинство которых составляют сами наёмные работники, поясняет автор. Потребители же не склонны удовлетворять чьи-либо "наглые самонадеянные" претензии; они желают получать услуги по самой низкой цене (Мизес, 2000. С. 570). Кроме того, любые формы социального обеспечения ограничивают свободу наёмных рабочих в организации личного хозяйства и расходовании совокупного дохода в соответствии с собственными планами (Мизес, 2000. С. 577).

Между тем, по мнению автора, капиталистическая экономика весьма благосклонна к наёмным рабочим. Так, хотя они (в отличие от предпринимателей, вынужденных воздерживаться от потребления во имя сбережений и инвестирования) ничем и не способствуют технологическому прогрессу общества, но в полной мере пользуются его плодами, ибо рыночные механизмы, в конечном счёте, способствуют повышению цен на сырьё и заработную плату и снижению потребительских цен. Кроме того, сетует автор, общество, по-видимому, не осознало, что в новое время рабочий (человек среднего достатка) живёт в гораздо более комфортных условиях, чем когда-то мог позволить себе даже египетский фараон²¹. И всё это является результатом свободного капиталистического труда (Мизес, 2000. С. 569; 2001. С. 27).

Таким образом, заработная плата в условиях рынка теряет всякую связь с носителем труда – живым человеком: она ничем не отличается от цен на сырьё и прочие "мёртвые" товары. Потребности трудящегося упираются в пределы произведённого им продукта, а дифференциация потребительских предпочтений и представлений об уровне нормальной жизни служат резонным доводом против установления минимальных ставок заработной платы. Единственной "надёжной" защитой наёмного рабочего от любого произвола и беззакония оказывается игра рыночных сил! "Рынок делает рабочего независимым, ибо он подчинён здесь только господству потребителей, как и его работодатель", – констатирует Л. Мизес (2000. С. 593).

²¹ Такие схематические сравнения образа жизни в различных эпохах человеческой истории нельзя признать удовлетворительными. Но либеральная доктрина может оправдаться тем, что она является феноменом чистой идеологии, лишённой ценностных оснований. Похоже, что поверхностное отношение современных исследователей к истории человечества становится нормой, и это не может не вызывать нареканий со стороны специалистов (Капелюшников, 2019а. С. 124; 2019б. С. 103, 121–126 и др.).

Таким образом, *рабочему человеку в своём неравном (атомарном) экономическом противостоянии с владельцами капитала некому жаловаться на свою судьбу. Да и, по мнению сторонников либеральной доктрины, незачем. Ведь преимущественно из числа наёмных работников одновременно рекрутируется и армия потребителей – истинных капитанов рыночной экономики, которые кровно заинтересованы в том, чтобы заработная плата рабочих была "эластичной" и как можно более низкой.* Этот тезис звучит, как насмешка: ведь, по сути, заработная плата определяется не только предельной производительностью труда, но и её соотношением с прибавочной стоимостью, с предпринимательской прибылью во вновь созданной стоимости. И отсутствие стандартов заработной платы, как отмечает Дж. Гэлбрейт, оказывается весьма выгодным прежде всего бизнесу.

Но любое перераспределение между заработной платой и прибылью во вновь созданной стоимости продукта в пределах либерального подхода объявляется "проеданием капитала", которое создаёт прямую угрозу для общественного благосостояния и коллективной безопасности (Мизес, 2000. С. 564). Субъекты же, посягающие на "проедание капитала", безоговорочно обретают статус безнравственных врагов капиталистической экономики и всего общества, с которыми следует "биться насмерть". "Повышение благосостояния не выступает проявлением действия неизбежного закона человеческой эволюции, – предостерегает Л. Мизес. – Эта тенденция является следствием взаимодействия сил, которые могут действовать свободно только в условиях капитализма. Очень может быть, (учитывая направленность политики социализации), что проедание капитала и недостаточное снижение численности населения могут повернуть этот процесс вспять" (2000. С. 564).

Устои капиталистического мироустройства окажутся подорванными, а человечество в целом снова может вернуться во времена голодной жизни. Всего лишь приближение к такому состоянию неминуемо приведёт к непримиримым разногласиям и конфликтам, ожесточённость которых вызовет полный распад общественных связей, говорит Л. Мизес. Следовательно, все требования и намёки наёмных работников относительно политики оплаты труда являются безнравственными с точки зрения сохранения частной собственности и либерального общественного порядка (Мизес, 2001. С. 37).

Таким образом, *свобода рабочего в условиях рыночной экономики, согласно канонам либерального маржинализма, – это свобода человека, лишённого права голоса, не смеющего даже заявить о своих потребностях!* А тот факт, что наёмные работники, составляющие большинство занятых в экономике рыночного типа, демонстрируют (вследствие раздвоения личности) безнравственное отношение к самим себе, можно квалифицировать как состояние массового психического расстройства такого общества²². Такова цена свободного капиталистического труда, который, согласно положениям либеральной доктрины, по своей сути, оказывается подневольным, ибо, не принося

²² Проблема активизации отношений общественного отчуждения и связанных с этим поведенческих девиаций на протяжении всего прошлого столетия находилась в центре внимания представителей западного обществоведения. Бурные события рубежа XX–XXI вв. девальвировали и затушевывали указанную проблему, в то время как она приобрела глобальный характер и настоятельно требует разрешения.

работнику непосредственного удовлетворения, выполняется им в силу природной и общественной нужды (Мизес, 2000. С. 592).

Что касается творческих личностей (интеллектуалов), то, с позиций либерального маржинализма, может сложиться впечатление, что именно они являются наиболее свободными субъектами рыночной экономики. Они как бы находятся "вне системы" и вольны критиковать её. Но на этом их свобода заканчивается. Во-первых, рыночная экономика не признаёт их образ жизни по-настоящему деятельным: ведь они не создают материальных благ, не владеют капиталом, не являются аналогом сырьевых ресурсов (как наёмные работники). Рынок не способен адекватно рассчитать и учесть их трудовую активность. Всё это приводит к тому, что по отношению к ним капитализм "выявляет жестокость".

Жестокость капитализма состоит в том, что каждый получает от него столько, сколько он делает для пользы и благосостояния ближних, говорит Л. Мизес. Если вы предпочитаете богатству (которого могли бы добиться, торгуя одеждой или занимаясь профессиональным боксом) удовлетворение от занятий поэзией или философией – ваше право. Но тогда вы не заработаете столько, сколько заработает тот, кто будет служить большинству. Ибо таков закон экономической демократии рынка (Мизес, 1993. С. 174–175).

Во-вторых, творческие личности, представляя наиболее неудовлетворённое меньшинство в системе общественного разделения труда, способны сформировать серьёзные угрозы для рыночной экономики и общества вообще. Вследствие своей рыночной несостоятельности, они, как отмечает Л. Мизес, страдают серьёзными психическими расстройствами (комплексом Фурье) и могут заразить своей хандрой других.

Согласно логике либеральной доктрины, несчастным человека при капитализме делает то, что эта система даёт каждому возможность добиться самого высокого положения в обществе ("каждый может вызвать любого на соревнование и стать миллионером"). Но экономических высот достигают немногие: "едва ли одному человеку из миллиона удастся реализовать свои жизненные амбиции" (Мизес, 2001. С. 19; 210). В целом же в обществе, где главным критерием благополучной жизни является экономический успех, "в котором каждый является кузнецом своего счастья", любые достижения человека оказываются лишь ничтожной частью того, что жаждет его честолюбие. *Муки неудовлетворённого честолюбия типичны для людей, живущих в обществе равенства всех перед законом, говорит Л. Мизес. В таком обществе человек с нереализованным честолюбием относится враждебно к более удачливым соперникам. Человек примитивный отводит душу в сплетнях и наговорах. Более тонкие натуры (интеллектуалы) сублимируют свою ненависть в философию антикапитализма (Мизес, 1993. С. 177).*

Мечты о "справедливом" мироустройстве, которое оценит индивидуума по его "действительным достоинствам", является удобным прибежищем для всех, кто не до конца честен перед самим собой. В этой связи страстная ненависть к капитализму со стороны интеллектуалов – врачей, юристов, учителей, художников, архитекторов, писателей, журналистов, артистов, научных работников, инженеров, химиков – это просто маскировка ненависти к своим более удачливым коллегам (Мизес, 1993. С. 175–179).

Наличие многочисленного класса безответственных интеллектуалов является одним из самых отрицательных явлений эпохи современного капитализма, отмечает Л. Мизес. Моральное разложение, распу-

ценность и интеллектуальное бесплодие класса не очень нравственных (в буржуазном смысле слова) писателей и художников – это та цена, которую должно заплатить человечество, чтобы дать подлинным творцам-первопроходцам сказать своё слово. Свобода должна быть гарантирована всем, даже самым недостойным людям, чтобы ненароком не помешать тем немногим, кто сумеет воспользоваться ею во благо человечеству, констатирует Л. Мизес (1993, с. 224). Между тем ненависть, облечённую в идеи социализма, демонстрируют в рыночной экономике не только интеллектуалы, но огромные массы иных "невежественных" субъектов. С этим невозможно примириться, надо бы лечить всех их от комплекса неполноценности. Однако сторонники либеральной доктрины вынуждены признать, что поражённых психическими недугами здесь слишком велико (Мизес, 1993. С. 191; 2001. С. 19, 22).

Таково содержание либеральной доктрины как воинствующей идеологии рыночной организации общественных отношений. Несмотря на громкие заявления, она практически не оставляет никакой свободы выбора для хозяйствующих субъектов. Исполненной глубокими противоречиями, человеческих страданий и поведенческих девиаций оказывается и реальная система традиционного рыночного капитализма, которая в новейших исторических условиях окончательно утратила ценностные ориентиры общественного развития. В этом смысле исходная маргинальная теория оказывается более связанной с традициями классической политической экономии как логики Среднего пути. Вполне оправданными являются и внешние покровы современных учебных курсов экономики, которые вуалируют пугающие бездны своей идеологической подоплеки.

После распада традиционной системы социализма число её сторонников в обществе значительно поубавилось. Но с течением времени недовольство рыночной системой всё более обнаруживает себя, причём не только в странах постсоветского пространства, но и в более благополучных западных сообществах. Для великого множества людей на Планете распад социалистической системы отозвался болью разочарования и чувством бессилия. Но и сегодня для "денежной карты" не существует будущего. Нам, следовательно, остаётся только одно – искать выход за её пределы, отмечает Дж. Кьеца (Кьеца, 2018. С. 23; 32). Многочисленные общественные проблемы, порождаемые глобализацией, массовой миграцией, новейшими технологиями, изменением климата, загрязнением окружающей среды, а также проблемы, стоящие перед государствами – членами ЕС и особенно еврозоны, не могут быть решены в рамках капитализма и требуют перехода к новому социализму, пишет Д. Нути (Нути, 2018. С. 41).

После глобального финансово-экономического кризиса общественная мысль всё более стала осознавать губительные последствия безраздельного господства неолиберальной политики (Джейкобс, 2018; Джозеф Най-младший, 2017). Изменили своё мнение относительно будущего общественного развития многие активные приверженцы либерального порядка (Фукуяма, 2019; Сакс, 2012. С. 65–67; Макрон, 2019). Представители социологии во всём мире стали чаще обращаться к теоретическим положениям марксизма для прояснения путей выхода из

сложившейся кризисной ситуации. Заявили о своей приверженности социальным традициям координаторы общеевропейской политики²³.

Между тем, как бы это ни было тяжело, следует признать, что теоретические концепты социалистической и капиталистической общественной организации исчерпали свой эвристический потенциал для адекватного постижения закономерностей рождающейся экономической реальности. Одновременно обесценились и сформированные ими реальные модели хозяйствования. В условиях нарастания неопределённости хозяйственных перспектив реализация ноосферного проекта человечества может опираться лишь на незыблемые духовные ценности. Экономическую интерпретацию таких ценностей сегодня должна и способна предложить методология политической экономики в форме логики Срединного пути.

Литература

1. Артёмова Т. (2017). Европейские ценности: традиционные концепты в эпоху глобальных рыночных трансформаций. *Экономическая теория*. № 4. С. 5–31.
2. Артёмова Т. (2011). Методологическая анатомия глобального финансово-экономического кризиса. *Экономическая теория*. № 2. С. 16–33.
3. Артёмова Т. (2006). Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. Киев: Основа. 444 с.
4. Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2013). Политика или экономика? Ловушки стандартных решений. *Вопросы экономики*. № 12. С. 4–28.
5. Бакунин М.А. (1990). Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности (предисловие к публикации Н.М. Пирумовой). *Вопросы философии*. № 12. С. 53–66.
6. Гриценко А. (1997). Структура рыночной трансформации инверсионного типа. *Экономика Украины*. № 1. С. 4–10.
7. Гэлбрейт Дж.К. (1979). Экономические теории и цели общества. Москва: Прогресс. 406 с.
8. Джейкобс Г. (2018). Политическая экономия неолиберализма и нелиберальная демократия. *Мир перемен*. № 3. С. 26–36.
9. Джозеф Най-младший (2017). Уцелеет ли либеральный миропорядок? *Россия в глобальной политике*. № 2. С. 72–82.
10. Закон воспроизводства неравенства установлен. Редакционная статья (2017). *Эксперт*. № 38. С. 13.
11. Капелюшников Р.И. (2019а). Contra панинституционализм. Часть I. *Вопросы экономики*. № 7. С. 119–146.
12. Капелюшников Р.И. (2019б). Contra панинституционализм. Часть II. *Вопросы экономики*. № 8. С. 98–126.
13. Къеза Дж. (2018). Выйти за пределы "денежной карты". Читая Грамши сегодня. Разрозненные заметки об интеллектуалах и организации культуры. *Свободная мысль*. № 6. С. 17–32.
14. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. (1992). Экономикс: Принципы, проблемы и политика: в 2-х т. Москва: Республика.
15. Макрон Э. (2019). "Капитализм деградировал и сошел с ума". URL: <https://www.ridus.ru/news/306110>.
16. Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки: в 3-х т. Москва: Издательская группа "Прогресс".
17. Мизес Л. фон (1993) Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. Москва: Дело. 240 с.
24. Мизес Л. фон (2001). Либерализм в классической традиции. Москва: ООО "Социум", ЗАО "Издательство "Экономика". 239 с.
18. Мизес Л. фон (1994). Социализм. Экономический и социологический анализ. Москва: "Catallaxy". 416 с.
19. Мизес Л. фон (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Москва: ОАО "НПО "Экономика". 878 с.

²³ Лидеры ЕС приняли Новую стратегическую повестку дня на пятилетку, 2019. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus>

20. Миланович Б. (2014). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. Москва: Изд-во Института Гайдара. 336 с.
21. Ниблетт Р. (2018). Отступление либерализма. *Россия в глобальной политике*. № 2. С. 83–93.
22. Нові нерівності – нові конфлікти: шляхи подолання (2017). Тези доповідей та виступів учасників III Конгресу Соціологічної асоціації України (Харків, 12–13 жовтня 2017 р.). Харків: Соціологічна асоціація України, Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна.
23. Нути Д.М. (2018). Подъём, падение и будущее социализма. *Мир перемен*. № 4. С. 41–55.
24. Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI столетии. Москва: АД Маргинем Пресс. 592 с.
25. Сакс Дж. (2012). Цена цивилизации. Москва: Издательство Института Гайдара. 352 с.
26. Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. (2000). Экономика. Москва: Лаборатория Базовых Знаний. 800 с.
27. Уэрта де Сото Х. (2010). "Человеческая деятельность" Людвига фон Мизеса как учебник по экономической теории. *Вопросы экономики*. № 11. С. 62–82. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-11-62-82>
28. Фукуяма Ф. (2019). Социализм должен вернуться. *Мир перемен*. № 1. С. 8–10.

Поступление в редакцию 28.11.2019 г.

EUROPEAN VALUES: A LIBERAL DOCTRINE THROUGH THE METHODOLOGY OF POLITICAL ECONOMY

Tetiana Artomova

Author affiliation : Doctor of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Chief Researcher at the Department of Economic Theory of the Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine.
ORCID iD: 0000-0001-8511-9681. Email: blagosostojanie1986@gmail.com

Clarification of the laws of harmonious ordering of the social economy system was largely carried out in the depth of European civilization in the course of the evolution of fundamental scientific knowledge. Thus, the synergy of intellectual efforts of the representatives of classical German philosophy, English political economy and French social doctrines became a catalyst and, at the same time, a fertile cultural ground for the establishment of civic institutions of modern times.

Transcendent understanding of civilizational values as a system of social relations is to be carried out by political economy – the science of economic laws. Such a mission of economic science was defined during the formation of its classic research line as the logic of the Middle Way. However, modern economic theory in content remains traditional. It does not conceive its object in a single space-time coordinate system or recognize the economic value (economic good) as its own object and the basis of social relations. For that reason, the most important concepts of civilizational heritage are considerably distorted.

Freedom, equality, and brotherhood, which are considered to be political in origin, are the most important universal values that have been promulgated by the European community in modern times. However, the crystallization of the values of freedom, equality, and brotherhood in their syncretic unity is initially carried out in the depths of political economy. In recent times, each of them has been taken as one of the traditional methodological branches of economic science. Thus, the problem of freedom is key to the liberal-margin economic doctrine that today ideologically feeds educational courses in economics. In order to modernize the training courses, experts propose to restore their connection with the provisions of the authentic doctrine of liberal marginalization, and with the conceptual system of L. von Mises. This rethinking makes the logic of functioning of the modern market economy and the basic principles of neoliberal policy more

transparent and at the same time shows the imperfection of liberal doctrine in comparison with the original scientific provisions of classical economic thought.

Keywords: harmonious ordering of the economic system, methodology of political economy, liberal ideology, freedom of economic choice, European civilizational values.

JEL: A130.

References

1. Artomova, T. (2017). European values: traditional concepts in the era of global market transformations. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4, 5-31 [In Ukrainian].
2. Artomova, T. (2011). Methodological anatomy of the global financial and economic crisis. *Ekon. teor. – Economic theory*, 2, 16-33 [In Ukrainian].
3. Artomova, T. (2006). Cost and price: the logical-historical process of shaping. Kiev: Osnova [In Russian].
4. Acemoglu, D., Robinson, J. (2013). Politics or economics? Traps standard solutions. *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 12, 4-28 [In Russian].
5. Bakunin, M.A. (1990). Corruption. – About Machiavelli. – The development of statehood (preface to the publication of N.M. Pirumova). *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 12, 53-66 [In Russian].
6. Hrytsenko, A. The structure of the market transformation of the inversion type. *Jekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 1, 4-10 [In Russian].
7. Galbraith, J. (1979). Economic theories and goals of society. Moscow: Progress [In Russian].
8. Jacobs, G. (2018). The political economy of neoliberalism and illiberal democracy. *Mir peremen. – World of change*, 3, 26-36 [In Russian].
9. Joseph, S. Nye, Jr. (2017). Will the liberal world order survive? *Rossija v globalnoj politike – Russia in Global Affairs*, 2, 72-82 [In Russian].
10. The law of reproduction of inequality is established. Editorial Article (2017). *Jekspert. – Expert*, 38, 13 [In Russian].
11. Kapeljushnikov, R.I. (2019a). Contra paninstitutionalism. Part I. *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 7, 119-146 [In Russian].
12. Kapeljushnikov, R.I. (2019b). Contra paninstitutionalism. Part II. *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 8, 98-126 [In Russian].
13. Chiesa, G. (2018). Go beyond the limits of the "cash card". Reading Gramsci today. Scattered notes on intellectuals and cultural organizations. *Svobodnaja mysl. – Free thought*, 6, 17-32 [In Russian].
14. McConnell, C.R., Brju, S.L. (1992). Economics: Principles, problems and politics: in 2 volumes. Moscow: Respublika [In Russian].
15. Macron, E. (2019). "Capitalism has degraded and gone crazy". Retrieved from <https://www.ridus.ru/news/306110> [In Russian].
16. Marshall, A. (1993). Principles of economic science: in 3 vol. Moscow: Izdatelskaja grupa "Progress" [In Russian].
17. Mises, L. von (1993). Bureaucracy. Planned chaos. Anti-capitalist mentality. Moscow: Delo [In Russian].
18. Mises, L. von (1994). Socialism. Economic and sociological analysis. Moscow: "Catallaxy" [In Russian].
19. Mises, L. von (2000). Human Activities: A Treatise on Economic Theory. Moscow: OAO "NPO "Jekonomika"" [In Russian].
20. Milanovic, B. (2014). Global inequality. A new approach for the era of globalization. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara [In Russian].
21. Niblett, R. (2018). The retreat of liberalism. *Rossija v globalnoj politike – Russia in Global Affairs*, 2, 83-93 [In Russian].
22. New Inequalities - New Conflicts: Ways to Overcome (2017). Abstracts and speeches of the participants of the 3rd Congress of the Sociological Association of Ukraine (Kharkiv, October 12-13, 2017). Kharkiv: Sociological Association of Ukraine, VN Kharkiv National University Karazin [In Ukrainian].

23. Nuti, D.M. (2018). The rise, fall and future of socialism. *Mir peremen. – World of change*, 41-55 [In Russian].
24. Piketti, T. (2015). *Capital in the 21st century*. Moscow: AD Marginem Press [In Ukrainian].
25. Sachs, J. (2012). *The price of civilization*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [In Russian].
26. Samuelson, P.A., Nordhaus V.D. (2000). *Economy*. Moscow: Laboratorija Bazovyh Znanij [In Russian].
27. Huerta, de Soto J. (2010). "Human activity" by Ludwig von Mises as a textbook on economic theory. *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 11, 62-82. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-11-62-82> [In Russian].
28. Fukuyama, F. (2019). Socialism must return. *Mir peremen. – World of change*, 1, 8-10 [In Russian].